

УДК 008:572.02:304.3

DOI: 10.34670/AR.2022.61.56.008

Трансгуманизм в философском аспекте: к вопросу о пределах и возможных последствиях вмешательства современных технологий в человеческую природу

Гилязова Ольга Сергеевна

Кандидат философских наук,
доцент Центра развития универсальных компетенций,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: olga_gilyazova@mail.ru

Аннотация

В статье представлен философский анализ позиций биоконсерваторов и трансгуманистов, проведена дифференциация этих позиций с точки зрения различения «терапии» (восстановление состояния человека до приемлемой нормы) и «улучшения» (превышение нормы). Демонстрируется неоднозначность этого различения, которое требует введения единой нормы человеческой природы, что чревато евгенистическим противопоставлением людей путем их разделения на высших и низших, нормальных и девиантов. Определяются возможные последствия трансгуманизма (в основном экстремистской версии): возрождение евгеники; дискриминация не(до)улучшенных людей; превращение права на (само)улучшение в обязанность; отказ от трудоемкой работы над собой в пользу легких путей, формирующих зависимость от искусственных средств; открытость для внешнего контроля и управления; технологизация и объективация человека; типизация людей согласно их функции в обществе; редуцирование «злых» социально-политических проблем до биолого-технологической стороны. Делается вывод о том, что трансгуманизм является проявлением никогда не насыщаемой жажды совершенствования.

Для цитирования в научных исследованиях

Гилязова О.С. Трансгуманизм в философском аспекте: к вопросу о пределах и возможных последствиях вмешательства современных технологий в человеческую природу // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 5А. С. 59-66. DOI: 10.34670/AR.2022.61.56.008

Ключевые слова

Биохакинг, биоконсерватизм, биоэтика, евгеника, НБИК-технологии, трансгуманизм, философия медицины.

Введение

Человечество с древности предпринимает попытки изменить свою биологическую природу с помощью минеральных, растительных и животных ресурсов, часть которых (в том числе те, что воздействуют на сознание) вошли в оборот современной медицины [Соколовский, 2018]. Но именно современные НБИК-технологии (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии) расширили возможность преобразования человеческой психики и тела до невиданных ранее масштабов, а заодно заставили задуматься о том, как установить меру допустимого вмешательства этих технологий в жизнь и какими последствиями чревато это вмешательство.

Результаты исследования

Дебаты вокруг этих вопросов разделили оппонентов на два главных лагеря – биоконсерваторов и трансгуманистов. Если трансгуманисты не хотят ставить пределы НБИК-конвергенции в изменении/улучшении человеческой природы с целью продолжения дальнейшей эволюции *Homo sapiens* («умеренные») или для того, чтобы покончить с «человеком» и перейти к «постчеловеку» («экстремисты»¹) [Гайшун, 2018]), то биоконсерваторы настроены осторожно и скептически.

Этот скептицизм биоконсерваторов может доходить до крайности. Например, философ и специалист в области биоэтики Ж.-Ф. Малерб отвергает биомедицинские технологии под предлогом того, что они искажают саму природу человека. Но что неприемлемого в том, что больному продлят жизнь за счет донорского органа, а инвалид получит бионический протез? Неужели человек должен оставаться больным, лишь бы не идти против своей природы? Да и по сути, любая форма медицинского вмешательства (не только высокотехнологического) является «посягательством» человека на естественный порядок. Но это не повод отказываться от него.

Впрочем, в демократических странах свобода, интерес к новизне, стремление к экономическому прогрессу и лучшей жизни препятствуют идеологиям (в том числе биоконсерватизму), которые стремятся затормозить развитие НБИК-технологий.

Трансгуманисты, в отличие от биоконсерваторов и своих предшественников – гуманистов, считают, что не стоит ограничиваться лишь реализацией (пусть и максимально полной) того потенциала, который заложен в нашей природе, призывая к искусственному созданию новых способностей, в том числе чуждых человеческой природе. Между постчеловеком трансгуманизма и ницшеанским сверхчеловеком можно найти множество параллелей, но, как указывает Н. Бостром, главная разница между ними заключается в том, что «сверхчеловек Ницше является не результатом технологического проектирования, а продуктом личностного и культурного роста» [Bostrom, 2005, www].

Общим в риторике трансгуманистических воззрений (в том числе «самодельного трансгуманизма» как одного из течений биохакинга) является отождествление человека и компьютера (где тело ассоциируется с аппаратом, а сознание – с программным обеспечением), которые в равной степени доступны для контроля, взлома, оптимизации и т. п. В этом смысле трансгуманизм находится в плену редукционистской метафизики, по-картезиански противопоставляющей тело и сознание. Отсюда и готовность трансгуманизма (особенно

¹ Согласно классификации французского философа Ж.-М. Беснье.

экстремистской его версии) считать «тело чем-то акцидентальным и поэтому потенциально отделимым» [Желнин, 2020, 273] от человека. Здесь проявляется общая с трансплантологией идеология, которая, идеализируя и героизируя идею продолжения жизни после смерти, изменила отношение как к смерти, так и к телу. Оно стало восприниматься как наиболее важная и нужная вещь, которой владеет человек, но им самим не является.

Впрочем, в повседневной жизни мало кто желает думать о себе с точки зрения данной идеологии – в этом отражается наш произвольный биоконсерватизм. Мы не сводим себя к мозгам (и их содержанию), для которых тело – это не более чем оболочка. Д. Ледер вслед за другими феноменологами (Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером и М. Мерло-Понти), замечает, что для нас как живых существ тело – это больше, чем «вещь в мире, это способ порождения мира» [Leder, 1992, 25].

В то время как биоконсерваторы, исходя из эссенциалистского представления о человеческой природе, защищают ее неприкосновенность, трансгуманисты воспринимают ее как податливый материал, сырье, из которого можно и нужно лепить себя в соответствии со своими нуждами и желаниями. Трансгуманизм максимизирует слоган «Мое тело – мое дело», иногда доводя его до абсурда.

Возникает вопрос: готовность изменять/улучшать параметры своего тела и психики – это настоящая необходимость или пустая прихоть? В медицине ответом на этот вопрос стало противопоставление пластической хирургии и ее детища – косметической хирургии. Если пластическая хирургия имеет реконструктивный характер, занимаясь исправлением физических уродств, то выделившаяся из нее в 1930-х гг. косметическая хирургия ориентирована на хирургическую модификацию внешности человека при отсутствии деформаций, вызванных врожденным дефектом, болезнью или травмой. Вместо традиционных медицинских показаний она стала руководствоваться произвольными идеалами красоты [Aquino, 2017]. Поэтому нередко звучат призывы, чтобы подобного рода вмешательства, поддерживающие лозунг «Мое тело – мое дело», были выведены из сферы медицины, где основополагающим является принцип «не навреди».

Однако бывает трудно установить различие между двумя основными полюсами водораздела – «терапией», восстанавливающей здоровье и благополучие до некоторой приемлемой нормы, и «улучшением», усиливающим какие-либо качества и свойства сверх этой нормы [Tomasini, 2007]. Граница между этими полюсами позволяет размежевать биоконсерватизм, не допускающий вмешательство НБИК-технологий в тело и психику сверх терапии, и трансгуманизм. Проблема заключается в том, что не всегда можно провести границу не только между терапией (лечением) и улучшением (трансгуманизмом), но даже между улучшением и повреждением. А.Г. Пиотровская в своем эссе «Петь лучше, жертвуя сексом» иллюстрирует данный тезис историческим примером кастрации. По сравнению с обычными мужчинами кастраты имели конкурентные преимущества (в пении, в доступе к высшим государственным должностям и т. п.). Акт физического увечья оборачивался актом социального улучшения [Piotrowska, 2014]. В наше время таким примером может выступить хирургическое (и гормональное) изменение пола. Человек идет на заведомое ухудшение физического состояния ради улучшения психологического и/или социального состояния.

Ситуация усугубляется сложностями, возникающими при определении того, что есть «правильная» человеческая природа, выступающая той нормой, которую стремятся восстановить (в терапии) или превзойти (в трансгуманизме). Попытка постулировать эту норму приведет к тому, что те люди, которые не соответствуют ей, девальвируются: оцениваются либо как низшие, неполноценные существа (разделение людей по вертикали), либо как девианты,

ненормальные (разделение по горизонтали). История и литература засвидетельствовали множество трагических эпизодов реализации такой попытки. В нацистской Германии противопоставлялись образы унтерменша (недочеловека) и арийского сверхчеловека. Противопоставление образов девианта и нормальных людей наглядно представлено в романе О. Хаксли «О дивный новый мир». По сути, роман стал иронической иллюстрацией реформистской евгеники, которая возникла в пике традиционной евгеники, основательно дискредитировавшей себя в германском нацизме и в американском расизме. Хотя реформистская евгеника стремится откеститься от нее, они совпадают в главном – в том, что нуждаются в фигуре «плохого Другого». Сам факт того, что этой Другой не совпадает (не хочет или не может) с предписанной нормой, делает его неполноценным или девиантным.

Таким образом, трансгуманисты актуализируют – в идеологическом плане – проблему соотношения нормы и факта; должного, желанного и фактического; улучшения и терапии, а в практическом плане возрождают интерес к евгенике, которая как биомедицинское учение о качественном улучшении наследственности человека становится одним из важных ответвлений трансгуманизма. Этому способствует и развитие генной инженерии и репродуктивных технологий.

Трансгуманизм не свободен от соблазна оказаться в стане традиционной или реформистской евгеники, однако он склоняется к либеральной евгенике, которая разделяет с ним идеал свободного выбора. Она придерживается плюрализма² в противовес продвигаемого прежними евгениками монистического³ представления о том, каким должен быть человек. Она не признает за философией права (если та не хочет выродиться в идеологию) авторитарно устанавливать некую единую, единственно правильную норму человеческой природы. Но такой подход, решая одни этические проблемы, порождает другие. Например, у некоторых родителей может появиться искушение генетически запрограммировать (ради собственных интересов) ребенка-инвалида. Их право на свободу репродуктивного выбора входит в противоречие с правом ребенка на достойную и здоровую жизнь. Впрочем, даже если не учитывать такие крайности, стоит задать вопрос о том, не является ли сама возможность манипулировать генетическим строением человека в соответствии с чужими (пусть и родительскими) предпочтениями инструментализацией и объективацией человека. Ю. Хабермас называет это особым типом патернализма. Возникает внутреннее противоречие: содействие репродуктивной свободе родителей в совершенствовании их будущих детей подрывает саму суть либерализма, так как наносит ущерб условиям моральной свободы воли.

Таким образом, если в биохакинге свобода выбора⁴, отстаиваемая в слогане «Мое тело – мое дело», довольствуется пределами личной автономии человека, то в несамодельном трансгуманизме эта свобода напрямую посягает на автономию других людей.

Главная опасность «здесь будет заключаться в том, что уважение автономии одних может

² Например, либеральные евгеники ценят генетические технологии за предоставление возможности будущим родителям свободы выбора относительно отдельных характеристик их потомства, в то время как традиционные евгеники ценили бы эти технологии за их способность радикально ограничивать репродуктивный выбор людей.

³ Исходящего из философии тождества фактов и норм.

⁴ Эта свобода во многом условна: хотя люди добровольно подвергаются медицинским вмешательствам для решения немедицинских проблем, что знаменует феномен медиализации жизни, следует учитывать, что данная тенденция смешивать идеал и здоровье, исправлять хорошее ради лучшего зачастую обусловлена давлением общества. Для некоторых профессий (спорт, индустрия моды, шоу-бизнес и т. п.) это становится негласным обязательством.

оказать давление на автономию других» [Введенская, 2022, 50]. Попытки ограничить трансгуманизм сферой личного экзистенциального выбора обречены на провал, так как практическая реализация трансгуманизма влечет за собой серьезные социально-политические последствия. Трансгуманизм способствует усилению несправедливости в обществе – как социальной (отдавая приоритет личной свободе над равенством, он делает жизненные возможности людей неравными), так и межпоколенческой (ставит в неравные отношения детей и родителей).

Перечислим другие доводы против улучшения человеческой природы искусственными средствами. Появляется соблазн отказаться от трудоемкой и кропотливой работы над собой в пользу легкого (фармакологического, хирургического и т. п.) пути, что подрывает готовность прилагать собственные усилия, снижает персональную агентность. К тому же такого рода самодельный трансгуманизм нередко содержит внутреннее противоречие: являясь проявлением заботы человека о себе, он одновременно предполагает рискованные для здоровья эксперименты на себе.

Толчком для улучшения могут служить отнюдь не самые возвышенные и необходимые цели (например, повышение спортивной конкурентоспособности или эстетической/сексуальной привлекательности, получение суррогатных форм счастья). Парадигма улучшения исходит из жесткого деления человеческих качеств на хорошие и плохие (требующие исправления). Не учитывается диалектическая связь между ними.

Действие искусственных «улучшателей» физического, эмоционального и когнитивного состояний человека не отличается стабильностью. Зависимость человека от них может доходить до аддикции, чреватой «эффектом отмены». Вместо того, чтобы, например, «глушить таблетками» агрессивные наклонности, не лучше ли было бы научиться направлять их в нужное русло? В этом смысле трансгуманисты демонстрируют несколько наивное намерение бороться с социальным злом и нравственными проблемами с помощью НБИК-технологий, от которых ждут несвойственной им способности выполнять социальные, политические и педагогические функции.

Есть опасность, что средства улучшения когнитивных и сензитивных способностей могут сделать человека проницаемым для внешнего контроля и управления [Чернова, Афанасенко, 2022]. Идеи улучшения человека, провозглашаемые трансгуманистами как путь к интенсификации индивидуализации людей, их разнообразию, могут обернуться своей противоположностью – типизацией людей, генетически сконструированных в соответствии с необходимостью выполнения в обществе той или иной функции. Человеческое общество превратится в аналог колоний общественных насекомых, в которых сосуществуют (и образуют целый сверхразум) особи с генетически предзаданными паттернами поведения (муравьи-солдаты, муравьи-няньки, муравьи-рабочие и т. п.). По крайней мере, относительно профессиональных спортсменов такие идеи уже звучат.

Главная же опасность заключается в том, что возведение улучшения на уровень морального долга, превращение идеала в норму делают улучшенного человека новым эталоном, которому должен соответствовать каждый индивид. Желанное превращается в Должное, Ценное – в Факт. Конечно, в этом бесконечном стремлении к идеалу можно увидеть проявление прометеевской природы человечества. Но здесь возникает риск снова наступить на те же грабли, на которые в свое время наступила традиционная евгеника: неулучшенный (или недоулучшенный) человек начинает расцениваться как ненормальный, недочеловек, инвалид. Впрочем, большинство этих аргументов относится к экстремистской версии трансгуманизма, а не к умеренной.

Целью трансгуманистов в конечном счете является не совершенство людей как таковое, а

постоянное асимптотическое увеличение человеческих возможностей [Tomasini, 2007], т. е. не поиск состояния совершенства, а вечный прогресс, где невозможно и не нужно ставить окончательную точку.

Заключение

Стремление к самотрансформации является проявлением желания как нехватки или как горизонта, никогда не достижимого, но всегда влекущего к его достижению. Если биоконсерваторы довольствуются стремлением к достижению оптимального состояния человека, то трансгуманисты потворствуют фантазии о неограниченном человеческом потенциале, раскрываемом и создаваемом технологиями.

Библиография

1. Введенская Е.В. Нейрохакинг: этико-философские проблемы // Человек. 2022. Т. 33. № 1. С. 47-60. DOI: 10.31857/S023620070019074-8
2. Гайшун Р.Н. Сущность, предпосылки и политическое самоопределение трансгуманистического движения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 3. С. 352-363. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-352-363
3. Желнин А.И. Социальное управление биологией человека: субъекты, механизмы, ограничения // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 269-284.
4. Соколовский С.В. Антропология живого и неживого: случай тела и техники (послесловие к дискуссии) // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 83-96. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-83-96
5. Чернова Т.Г., Афанасенко Я.А. Трансгуманистическая картина мира: по образу и подобию машины и цифры, или конец человека // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3. С. 72-77. DOI: 10.24158/fik.2022.3.12
6. Aquino Y.S.J. "Big eye" surgery: the ethics of medicalizing Asian features // Theoretical medicine and bioethics. 2017. Vol. 38. No. 3. P. 213-225. DOI: 10.1007/s11017-017-9395-y
7. Bostrom N. A history of transhumanist thought // Journal of evolution and technology. 2005. Vol. 14. No. 1. URL: <https://nickbostrom.com/papers/history.pdf>
8. Leder D. A tale of two bodies: the Cartesian corpse and the lived body // Leder D. (ed.) The body in medical thought and practice. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1992. P. 17-35.
9. Piotrowska A.G. Singing better by sacrificing sex // Eilers M., Grüber K., Rehmann-Sutter C. (eds.) The human enhancement debate and disability. London: Palgrave Macmillan, 2014. P. 125-144. DOI: 10.1057/9781137405531_7
10. Tomasini F. Imagining human enhancement: whose future, which rationality? // Theoretical medicine and bioethics. 2007. Vol. 28. No. 6. P. 497-507. DOI: 10.1007/s11017-007-9055-8

Transhumanism from the philosophical aspect: on the limits and possible consequences of modern technological intervention in human nature

Ol'ga S. Gilyazova

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Center
for the Development of Universal Competencies,
Ural Federal University,
620002, 19 Mira str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: olga_gilyazova@mail.ru

Abstract

The article presents the results of the philosophical analysis of the views of bioconservatives and transhumanists. It aims to differentiate these views from the perspective of distinguishing between “therapy” (restoring a person's state to some acceptable norm) and “enhancement” (exceeding the norm). The author of the article demonstrates the ambiguity of this distinction that requires the introduction of some unified norm of human nature, which is fraught with the eugenic opposition of people through dividing them into superior and inferior human beings, normal and deviant ones. The article makes an attempt to carry out an analysis of the possible consequences of transhumanism (mainly its extremist version), such as the revival of eugenics; the discrimination of un(under)improved people; the transformation of the right to (self-)improvement into a duty; the rejection of the labor-intensive task of self-cultivation in favor of easy ways that make people dependent on some artificial means; the exposure to external control and management; the technologization and objectification of man; the typification of people according to their function in society; the reduction of wicked sociopolitical problems to the biological and technological aspect. The author comes to the conclusion that transhumanism is a manifestation of the never-satisfied thirst for improvement.

For citation

Gilyazova O.S. (2022) Transgumanizm v filosofskom aspekte: k voprosu o predelakh i vozmozhnykh posledstviyakh vmeshatel'stva sovremennykh tekhnologii v chelovecheskuyu prirodu [Transhumanism from the philosophical aspect: on the limits and possible consequences of modern technological intervention in human nature]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (5A), pp. 59-66. DOI: 10.34670/AR.2022.61.56.008

Keywords

Biohacking, bioconservatism, bioethics, eugenics, NBIC, transhumanism, philosophy of medicine.

References

1. Aquino Y.S.J. (2017) “Big eye” surgery: the ethics of medicalizing Asian features. *Theoretical medicine and bioethics*, 38 (3), pp. 213-225. DOI: 10.1007/s11017-017-9395-y
2. Bostrom N. (2005) A history of transhumanist thought. *Journal of evolution and technology*, 14 (1). Available at: <https://nickbostrom.com/papers/history.pdf> [Accessed 01/09/22].
3. Chernova T.G., Afanasenko Ya.A. (2022) Transgumanisticheskaya kartina mira: po obrazu i podobiyu mashiny i tsifry, ili konets cheloveka [The transhumanistic worldview: in the image and likeness of the machine and the number, or the end of man]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 3, pp. 72-77. DOI: 10.24158/fik.2022.3.12
4. Gaishun R.N. (2018) Sushchnost', predposylki i politicheskoe samoopredelenie transgumanisticheskogo dvizheniya [The essence, prerequisites and political self-determination of the transhumanist movement]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 3, pp. 352-363. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-352-363
5. Leder D. (1992) A tale of two bodies: the Cartesian corpse and the lived body. In: Leder D. (ed.) *The body in medical thought and practice*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, pp. 17-35.
6. Piotrowska A.G. (2014) Singing better by sacrificing sex. In: Eilers M., Grüber K., Rehmann-Sutter C. (eds.) *The human enhancement debate and disability*. London: Palgrave Macmillan, pp. 125-144. DOI: 10.1057/9781137405531_7
7. Sokolovskii S.V. (2018) Antropologiya zhivogo i nezivogo: sluchai tela i tekhniki (posleslovie k diskussii) [The anthropology of the animate and the inanimate: the body and machines (an afterword to the discussion)]. *Antropologicheskii forum* [Forum for anthropology and culture], 38, pp. 83-96. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-

83-96

8. Tomasini F. (2007) Imagining human enhancement: whose future, which rationality? *Theoretical medicine and bioethics*, 28 (6), pp. 497-507. DOI: 10.1007/s11017-007-9055-8
9. Vvedenskaya E.V. (2022) Neurohacking: etiko-filosofskie problemy [Neurohacking: ethical and philosophical problems]. *Chelovek* [The human being], 33 (1), pp. 47-60. DOI: 10.31857/S023620070019074-8
10. Zhelnin A.I. (2020) Sotsial'noe upravlenie biologiei cheloveka: sub"ekty, mekhanizmy, ogranicheniya [Social management of human biology: subjects, mechanisms, limitations]. *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of economy], 3, pp. 269-284.